

В.А. Западов

Державин Гаврила Романович

[3(14) VII 1743, Казань, по др. данным — деревня Кармачи или Сокуры под Казанью — 8 (20) VII 1816, с. Званка Новгородской губернии; погребен в церкви Хутынского монастыря; в 1959 прах Державина перевезен в Новгородский кремль и захоронен у западной стены Софийского собора].

Принадлежал к мелкопоместному, но старинному дворянскому роду, который вел свое происхождение от татар, мурзы Багрима (поэтому Державин в стихах в шутку иногда именовал себя «мурзой», «потомком Багрима», а свои произведения называл «татарскими песнями»). Отец Державина Роман Николаевич был секунд-майором Казанского гарнизона, потом служил в Ставрополе, на Волге, в Оренбурге. Начаткам русской грамоты братьев Державиных, Гаврилу и Андрея, обучила мать, Фекла Андреевна. Затем Державин учился у дьячка, а немецкому языку — у сосланного в каторгу немца Розе.

В январе 1754 отец Державина за получением отставки ездил в Москву. Он взял с собой старшего сына, чтобы отвезти его учиться в один из Петербургских корпусов — Сухопутный шлях, или Артиллерийский. Однако поездка в Петербург из-за безденежья была отложена, а в ноябре отец Державина умер. Семья осталась без средств, соседи-помещики захватили часть земель. Мать Державина с малолетними сыновьями часами безрезультатно простаивала в судейских передних. По словам Державина в автобиографических «Записках», «такое страдание матери от неправосудия вечно осталось запечатленным на его сердце», и он, «будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот».

Тем не менее мать сумела нанять детям учителей математики (сначала ученика гарнизонной школы, затем артиллерийского штык-юнкера) и не оставляла надежд на учебу сыновей в Петербурге. Между тем в январе 1759 в Казани открылась находившаяся в ведении Московского университета гимназия, в дворянское отделение которой были определены Державин и его брат. Державин учился с охотой и отличался в рисовании, музыке, поэзии, то есть в «предметах, касающихся воображения». Уже после первого полугодия учебы его имя попало в список лучших гимназистов. Через полгода директор гимназии М. Веревкин представил куратору геометрические чертежи и карты Казанской губернии, скопированные лучшими учениками и украшенные «разными фигурами и ландшафтами». В награду тот приказал записать гимназистов по их желанию солдатами лейб-гвардейских полков, а Державина — кондуктором Артиллерийского корпуса; после этого Державин во время торжеств, бывших в гимназии, «отправлял должность артиллериста, быв при артиллерии и при представлении фейерверков». Летом 1760 Державин ездил с Веревкиным в Чебоксары в качестве инженера-геодезиста для изготовления плана города. В 1761 Веревкин, по приказанию И. Шувалова, снарядил экспедицию для раскопок и описания развалин Великого Булгара; работы на месте фактически возглавил Державин.

В феврале 1762 неожиданно выяснилось, что Державин по ошибке канцеляристов был записан солдатом в Преображенский полк и что отпуск для «окончания наук» уже истек. Не завершив гимназический курс, Державин уехал в столицу, был определен рядовым 3-й роты и помещен в казарму вместе с солдатами из крестьян.

Вскоре он отнес оставшиеся у него экспедиционные планы и рисунки находившемуся в Петербурге Веревкину. Тот представил Д. Шувалову, который направил его в Академию художеств к граверу Е. Чемесову. Но ни заниматься с одобренным рисунки Чемесовым, ни посещать Шувалова Державин из-за непрерывных при Петре III фронтальных учений не смог. Не удалась, уже после свержения Петра III, и попытка пополнить образование в Европе. Когда в Москве совершалась коронация Екатерины II, Шувалов

собрался в заграничное путешествие, и Державин просился вместе с ним. Дело расстроилось из-за вмешательства тетки Державина Ф. Блудовой, считавшей такие поездки источником ереси и разврата, а Шувалова — масонам и богохульником. Державин занимался самостоятельно. В казарме не было условий для рисования и игры на скрипке, зато Державин много читал по-русски и по-немецки и начал писать любовные и шуточные стихи.

Державина, не имевшего покровителя, обходили производством. Он просил о помощи майора своего полка А. Орлова и 15 мая 1763 был произведен в капралы. Получив годовой отпуск, Державин отправился в Казань, затем по поручению матери ездил в Шацк и Оренбург. По возвращении в полк он поселился в казарме с дворянами. В это время Державин серьезно занимается поэзией, руководствуясь в теории «Новым и кратким способом к сложению российских стихов» В. Третьяковского, а на практике — произведениями М. Ломоносова, А. Сумарокова, Ф. Козловского. Одно из его сатирических стихотворений обидело полкового секретаря, и он почти четыре года подряд вычеркивал Державина из списков назначенных к производству в следующий чин.

В 1766 полковым секретарем стал П. Неклюдов, покровительствовавший Державину, и его служебная карьера пошла быстрее. Державин был назначен фурьером и командирован на ямскую подставу в Яжелбицы для надзора за приготовлением лошадей к проезду императрицы и двора в Москву, затем произведен в каптенармусы. В 1768 Державин был произведен в сержанты и прикомандирован к Комиссии нового Уложения в качестве «сочинителя» (секретаря) одной из частных комиссий — «о разных установлениях, касающихся до лиц, находящихся в оной при должностях».

Зимой 1769 Державин получил трехмесячный отпуск для поездки к матери. На обратном пути он задержался в Москве (надлежало выправить купчую на имение в 30 душ на Вятке), а младшего брата отправил в Петербург к Неклюдову с письмом, в котором просил об определении брата в полк и о двухмесячном продлении отпуска, но к новому сроку не явился, увлекшись, по безденежью, карточной игрой. Впрочем, Неклюдов спас его от служебных неприятностей, устроив еще две отсрочки. В марте 1770 Державин порвал с игроками и вернулся в Петербург. На карантинной заставе, устроенной по случаю начавшейся чумы, Державин, чтобы не задерживаться в пути, сжег сундук, в котором находились рукописи всех его ранних сочинений и переводов. Брата, больного чахоткой, Державин отправил в Казань, где тот вскоре умер.

В 1771 Державин был переведен на фельдфебельскую должность, через год был произведен в прапорщики, еще через год — в подпоручики. В 1773 был напечатан без подписи перевод Державина с немецкого «Ироида, или Письмо Вивлиды к Кавну» — первое его литературное выступление, состоявшееся, по словам Державина, без его ведома. 31 октября 1773 Державин отдал в Академическую типографию свое оригинальное стихотворение, посвященное свадьбе Павла Петровича. Оно было отпечатано тиражом в 50 экземпляров под названием «Ода на всерадостное бракосочетание их императорских высочеств. Сочиненная потомком Аттилы, жителем реки Ра».

Откомандированный в секретную следственную комиссию при А. Бибикове — командующем войсками против Пугачева, Державин выполнял его поручения по борьбе с мятежниками, причем сумел понять, что причина восстания — «грабительство», «лихоимство» властей, «беспрестьянное взяточничество, которое совершенно истощает людей», «производит в жителях наиболее ропота».

В 1774 Державин был произведен в поручики и находился то в Малыковке (впоследствии Вольск), то в заволжских немецких колониях выше Саратова. Видимо, в июне 1775 Державин вернулся в полк, который находился в Москве. Обойденный новым полковым начальством в чинах и наградах, он трижды безрезультатно обращался к новому подполковнику Г. Потемкину, а в июле 1776 подал прошение на имя императрицы. В феврале 1776 из печати вышел первый сборник стихотворений и переводов Державина «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года» (Читалагай — гора недалеко

от Малыковки), изданный анонимно, без обозначения года и места. В стихотворениях «Пикники», «Остроумие» и др. отразилось сближение Державина с «довольно знатными господами, ведущими жизнь веселую и даже роскошную».

Наконец прошение было рассмотрено. 1 января 1777 Державин был произведен в капитан-поручики, а 15 февраля переведен в статскую службу с чином коллежского советника, но без определенного места; одновременно ему было пожаловано имение в 300 душ в Белоруссии. 15 августа 1777 он назначен эзекутором 1-го Департамента Сената.

В этом году Державин написал эпистола П. Шувалову и оду на рождение Великого князя Александра Павловича — наиболее значительные и типичные произведения первого этапа его творчества. В начале 1778 они вышли отдельными изданиями. В соответствии с классицистическим принципом «подражания образцам» в ранних стихах Державина заметно сильное влияние песен, лирических и сатирических сочинений Сумарокова, однако прямых заимствований у Державина мало. Воспроизводя гражданственный стиль образца, его публицистическую направленность, Державин в ряде случаев создал оригинальные по форме сочинения («На знатность», эпистола Шувалову и др.). В некоторых одах Державин старательно воспроизводил не только программную учительность, но и форму од Ломоносова, вводил огромное число заимствований и прямых цитат из его сочинений. Вместе с тем в стихах раннего периода уже присутствуют характерные для зрелого Державина живописность и красочность, содержательность стиховой формы, отдельные проявления автобиографизма.

В 1778 Державин женился на Е. Бастидон (вошедшей в его поэзию под именем «Пленира»), в связи с чем написаны «Стансы». По возвращении новобрачных из поездки в Казань Державин познакомился с поэтами львовского кружка — Л. Львовым, В. Капнистом, И. Хемницером, П. Вельяминовым и др. Сближение с львовским кружком стало переломным моментом в поэтическом развитии Державина: Львов познакомил его с учением об оригинальном творчестве Юнга, Руссо, Гердера; стихи Муравьева убеждали в практической возможности индивидуальной реализации художественного дарования.

Уже со второй половины 1779 начали появляться такие принципиально новаторские стихотворения Державина, как «На смерть князя Мещерского», «Ключ», «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока», «К первому соседу» и др., знаменовавшие вступление поэта на «совсем особый путь», переход на позиции предромантизма. В поэзии Державина на первый план выдвигается человеческая индивидуальность в соотношении с окружающим ее объективно-реальным, конкретно-чувственным миром. Отказываясь от теории «подражания образцам», Державин развивает романтическую концепцию гениальности, вдохновения как источника поэтического творчества. Из этих основополагающих принципов вытекало новое художественное видение мира; идея ценности личности, внимание к этическим проблемам, вопросам морали частного человека и общества, с изображением частной жизни частного человека связана полнейшая ломка сложившихся жанровой и образной систем (Муравьев эту ломку в творчестве Державина назвал «перепутажем»): отказ от нормативности как классицистической, так и сентиментальной вообще и «правил» в частности; образ автора, органически входящий в произведения; попытки создания индивидуальных характеристик людей; обилие конкретных намеков; внимание к бытовым деталям, воплощение реальности в живописно-пластических образах; смелое сочетание прозаизмов и просторечия с высокой архаизированной лексикой (стилистический «перепутаж»); поиски индивидуальной формы произведения и идущие в этом направлении эксперименты в области метрики, строфики, рифмовки; пристальный интерес к проблеме национального содержания и национальной формы, то есть признание того, что в разные эпохи и у разных народов существовали различные «вкусы» (иначе говоря, отказ от критерия единого и вечного «изящного вкуса»), и признание исторической и национальной обусловленности человека, общества в целом, литературы.

В 1779 Державин было поручено наблюдение за переделками в здании Сената. Для барельефов и медальонов залы общего собрания Львов предложил сюжеты, Державин составил их словесные «программы», по которым работали затем художник и скульптор. Требование генерал-прокурора Сената князя А. Вяземского «прикрыть» изображенную на барельефе «нагую Истину», видимо, дало Державину первоначальный импульс к созданию гневно-обличительной оды «Властителям и судиям».

В конце 1780 Державин был переведен в новоучрежденную Экспедицию о государственных доходах, для которой он составил инструкцию («начертание должности»), определяющую ее деятельность. С 28 июня 1782 Державин — статский советник.

Написанная в 1782 ода «Фелица» год пролежала в рукописи: Державин не печатал ее, опасаясь гнева осмеянных вельмож. О. Козодавлев снял с нее копию без разрешения автора. Ода стала широко известной, а 19 мая 1783 увидела свет в «Собеседнике любителей русского слова», основанном при Академии наук. Публикация оды мгновенно сделала Державина знаменитым, он сразу вошел в число крупнейших литераторов эпохи. В день открытия Российской Академии Державин был избран ее членом. «Фелица» понравилась и Екатерине; вскоре автор получил золотую табакерку с 500 червонных в пакете с надписью: «Из Оренбурга от киргизской царевны мурзе Державину». Но испортились отношения Державина с А. Вяземским, в доме которого он был совсем еще недавно своим человеком и который увидел в оде сатиру на себя. Придирки Вяземского вынудили Державина подать в отставку. В начале 1784 он был уволен с награждением чином Действительного статского советника. На отставку Державина Фонвизин откликнулся сатирической «Челобитной российской Минерве от российских писателей», где содержится просьба к императрице защитить писателей от притеснений «знаменитых невежд».

Около недели Державин пробыл в Нарве, где завершил начатые ранее оды «Бог» и «Видение мурзы». По возвращении в Петербург Державин узнал, что императрица намерена назначить его олонецким губернатором. Дав согласие, Державин получает отпуск для поездки в Казань к матери, но не застает ее в живых.

В начале октября 1784 Державин приехал в Петрозаводск, а 9 декабря Олонецкая губерния была официально «открыта». Вскоре начались постоянные столкновения между Державиным и заместителем олонецким и архангельским Т. Тутолминым. По-видимому, благодаря поддержке, оказанной Державину А. Безбородко и А. Воронцовым, жалобы Тутолмина на Державина последствий не имели, но императрица решила перевести Державина в другое место. В конце 1785 последовал указ о назначении его тамбовским губернатором.

Представившись в Петербурге заместителю рязанскому и тамбовскому И. Гудовичу, Державин прибыл в Тамбов в марте 1786. Первые действия его в качестве губернатора были направлены на улучшение судопроизводства, содержания заключенных, на строительство общественных зданий (народное училище, богадельня, сиротский дом, театр). Особое внимание Державин уделял просвещению тамбовского общества. В своем доме он устроил «классы» для юношей, а его жена организовала занятия для молодых дворянок. По воскресным вечерам еженедельно бывали небольшие балы, по четвергам — концерты, по праздникам — любительские спектакли. Ко дню восшествия Екатерины на престол (28 июня 1786) Державин составил сценарий публичного празднества; к открытию Главного народного училища написал речь, сочинил в духе «школьной драмы» «Пролог <...> на открытие в Тамбове театра и народного училища» и т. д. Театр открылся в доме Державина представлением его «Пролога...» и комедии М. Веревкина «Так и должно».

В январе 1787 усилиями Державина начались занятия в народных школах городов Козлов, Лебедянь, Елатьма, затем Шацк, Моршанск, Липецк, Спасск, Темников (после отъезда Державина из Тамбова большинство этих школ закрылось).

В ноябре 1787 открылась тамбовская типография, где печатались первые русские губернские ведомости, сенатские указы, предписания губернского правления и пр. По инициативе Державина вокруг типографии образовался кружок переводчиков-люби-

телей. Наряду с переводами сочинений европейских литераторов здесь печатались и оригинальные произведения.

Проведенная в январе 1787 по повелению императрицы сенатская ревизия отметила успехи, достигнутые губернатором, и он получил награду. Однако вскоре начались столкновения Державина с Гудовичем, который усмотрел в его действиях (дело откупщика М. Бородина, выдача денег на закупку хлеба для армии вопреки сопротивлению чиновников и пр.) покушение на власть наместника. Уже с апреля 1788 он требовал удаления Державина. Сенат, руководимый Вяземским, подготовил доклад об отдаче Державина под суд Сената. В свою очередь Державин написал для императрицы доклад о своих действиях, который переслал М. Муравьеву. Тот передал «экстракт» дела фавориту императрицы А. Дмитриеву-Мамонову. Екатерина II по докладу Сената приказала отдать Державина под суд, но благоприятные отзывы Мамонова и Гарновского, управляющего Потемкина, задержали окончательное решение на три недели.

После многочисленных проволочек был подписан доклад по его делу, в котором Сенат виновным его ни в чем не нашел. Императрица утвердила доклад Сената, дала Державину аудиенцию, но нового назначения он не получил и поэтому вновь обратился к Екатерине, прося о выдаче задержанного жалования и о новой аудиенции. После повторной аудиенции А. Храповицкий записал слова императрицы: «Я ему сказала, что чин чина почитает. В третьем месте не мог ужиться, надобно искать причину в себе самом. Он горячился и при мне. Пусть пишет стихи... <...> Велено выдать не полученное им жалование».

Попытки Державина обратиться к новому фавориту Екатерины II. Зубову оказались безрезультатными. По словам Державина, «не осталось другого средства, как прибегнуть к своему таланту». К дню коронации он передал во дворец оду «Изображение Фелицы». Ода разочаровала императрицу: она ждала стихов в духе «Фелицы», а получила «программную» оду-рекомендацию, каким должен быть идеальный монарх.

Дом Державина становится одним из центров культурной жизни Петербурга. Постоянно бывали здесь Львов, Муравьев, Вельяминов, А. Оленин, а также Козодавлев, Капнист, Ип. Ф. Богданович, регулярно приезжал тяжело больной Фонвизин (накануне смерти сатирика в кабинете Державина состоялось чтение его новой комедии). Державин знакомится с И. Дмитриевым и Н. Карамзиным. А. Радищев, не знакомый с Державиным близко, передал ему «Путешествие из Петербурга в Москву» (экземпляр был отобран у Державина полицией во время следствия над Радищевым). Когда Радищев был приговорен к смертной казни, Державин сделал попытку вмешаться в его судьбу.

Воспользовавшись заключением мирного договора со Швецией, Державин написал программную оду «На шведский мир». Ода была срочно отпечатана, и утром 19 августа весь тираж ее по распоряжению Державина был отправлен во дворец: здесь в этот день должно было состояться заседание Государственного совета, на котором решалась судьба Радищева. Державин выражал надежду, что в связи с заключением мира императрица простит «незлобных виновных» (защитная формулировка Радищева на секретном следствии, известная Державину от Львова или Муравьева).

К концу 1790 относятся такие крупные произведения Державина, как «Песнь лирическая Россу по взятии Измаила» и «Новый год, песнь дому, любящему науки и художества». К последнему произведению, написанному в форме кантаты, создал музыку Д. Бортнянский, и оно в начале 1791 исполнялось на празднике у А. Строганова, которому было посвящено.

В следующем году Державин написал по просьбе Потемкина хоры к празднеству по случаю взятия Измаила и обширное, в прозе и стихах, «Описание празднества, бывшего по случаю взятия Измаила у <...> кн. Г. Потемкина-Таврического <...> 1791 г. апреля 28 дня». Тогда же Державин создал ряд анакреонтических стихов, а в конце года, пораженный известием о внезапной смерти Потемкина, начал «Водопад» (окончил

в 1794). Активно сотрудничал он в журнале «Новые ежемесячные сочинения» и в «Московском журнале» Карамзина.

12 декабря 1791 Державин назначен статс-секретарем императрицы, причем ему поручено было наблюдать за законностью решений Сената. Из крупных дел, которыми пришлось заниматься Державину, он особо отмечал дело иркутского наместника И. Якоби, который будто бы хотел развязать войну между Россией и Китаем (Державину удалось добиться оправдания невинного), дело придворного банкира Сутерланда, связанное со взяточничеством крупнейших вельмож, и др. Скоро оказалось, что дела у Державина для императрицы вообще «были все роду неприятного, то есть прошения на правосудие, награды за заслуги и милости по бедности», и она «стала его редко призывать». Державин понял, что был приближен лишь для того, чтобы он писал для Екатерины стихи «в роде оды “Фелице”». Однако, ближе узнав императрицу, «не мог он воспламенить так своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческого с великими слабостями». О положении своем при Екатерине Державин иронически говорил в надписи «На птичку»; резким посланием «Храповицкому» («Товарищ давний, вновь сосед...») ответил он на стихи Храповицкого с советом писать хвалы императрице.

Осенью 1793 Державин произведен в чин тайного советника и назначен сенатором, причем было уточнено, что «присутствовать» ему надо и в общем собрании, и во вновь открытой Межевой экспедиции. Державин и здесь проявлял свойственную ему горячность в отстаивании справедливости; сенаторы жаловались, что с ним «присутствовать не можно». В начале 1794 Державин был назначен президентом Коммерц-коллегии и присутствующим в Комиссии о коммерции. Он развернул борьбу со злоупотреблениями, попытался пресечь ввоз контрабанды, начал расследование мошенничеств таможенных чиновников и иностранных купцов. Однако в личных приемах императрица ему отказывала, доклады оставались без ответа, и вскоре генерал-прокурор А. Самойлов передал ему приказ Екатерины: никакими делами впредь не заниматься, а считаться президентом Коммерц-коллегии, «ни во что не мешаясь». Поэтическим итогом этих эпизодов жизни Державина стала одна из лучших его сатирических од «Вельможа». 15 июля 1794 Державин овдовел. Этому событию он посвятил доработанное стихотворение «Ласточка», а также стихи «На смерть Катерины Яковлевны...» и др. 31 января 1795 Державин женился вторично — на Дарье Алексеевне Дьяковой. В 1795 Державин решил просить императрицу о разрешении издать собрание своих стихотворений (разрешение нужно было потому, что многие произведения вызывали нарекания со стороны влиятельных при дворе лиц, цензуры, церкви, самой Екатерины). Рукописный том стихотворений с рисунками А. Оленина был поднесен императрице, однако подборка произведений вызвала ее гнев. Разнесся даже слух, что поэта велено допросить. Политические обвинения Державин отвел, но разрешения на публикацию не получил.

При воцарении Павла I Державин был назначен правителем канцелярии Государственного совета, но 22 ноября 1796 император специальным указом известил Сенат, что Державин «за непристойный ответ, им пред нами учиненный, отсылается к прежнему его месту», то есть оставлен только сенатором. В эти годы Державин писал много стихов (причем особенно интенсивно разрабатывал анакреонтические жанры), активно печатался в журналах «Приятное и полезное», «Муза», в альманахе «Аониды».

В середине 1797 И. Шувалов предложил Державину издать его сочинения в Университетской типографии. Поэт поручил надзор за изданием Карамзину. Первая часть «Сочинений» была отпечатана в 1798. Поэт хотел было уничтожить весь тираж из-за цензурных пропусков и громадного количества опечаток, но потом решил все же выпустить книгу в свет, отказавшись от издания второй части.

Широко известные справедливость, честность, бескорыстие Державина привели к тому, что его часто стали приглашать в качестве третейского судьи. За короткий срок он уладил около ста сложных дел по разделу имущества и наследства, по земельным

и денежным спорам и пр. Державин был опекуном и попечителем многих знатных лиц и семейств (позднее в связи с этими занятиями ему пришлось даже завести при своем доме особую контору).

2 апреля 1800 Державин был назначен присутствующим в Комиссию законов. Выполнил он и ряд отдельных поручений императора Павла I. Так, Державину было предписано ехать для предотвращения начавшегося голода в Белоруссию. Пробыв там полгода, Державин успешно справился с делом и был награжден чином действительного тайного советника и почетным командорским крестом Мальтийского ордена. Затем одну за другой Державин получает следующие должности: президент возобновленной Коммерц-коллегии; присутствующий в советах Воспитательного общества благородных девиц и Училища ордена св. Екатерины; второй министр при Государственном казначействе и управляющий делами вместе с государственным казначеем; государственный казначей; член Государственного совета; член 1-го Департамента Сената.

После убийства Павла I Державин «написал бумагу», в которой потребовал хотя бы для вида произвести расследование обстоятельств его смерти. Новый император уволил Державина от всех должностей, оставив только в Сенате. За оду «На восшествие на престол императора Александра I», в которой усматривались намеки на тиранию Павла, Александр пожаловал Державину перстень, но выразил пожелание, чтобы ода осталась неопубликованной, и она была запрещена.

25 ноября 1801 Державин был послан в Калугу для расследования злоупотребления губернатора; В сентябре 1802, при учреждении министерств, назначен министром юстиции и членом Государственного совета, но через год уволен в отставку за «слишком ревностную службу». Так закончилась сорокалетняя деятельность Державина на военном и гражданском поприще.

С этого времени Державин начал усиленно заниматься изданием своих сочинений. Зиму он обычно проводил в Петербурге, лето — в Званке, имении на берегу Волхова, купленном в 1797. Будучи бездетным, Державин воспитывал трех дочерей умершего Н. Львова, постоянно жили у него сыновья и дочери Капниста, три сестры Бакунины и другие родственники второй жены.

В 1804 вышел из печати сборник «Анакреонтические песни», содержащий как публиковавшиеся уже стихи, так и новые, неизвестные. В 1808 появились первые четыре части задуманного многотомного собрания сочинений Державина.

Занимаясь поэзией и прозой, Державин обратился и к драме. После 1803 написано подавляющее большинство его драматических произведений.

В 1805 поэт начал работу над «Примечаниями на сочинения Державина». Необходимость подобного труда обоснована им так: «Будучи поэт по вдохновению, я должен был говорить правду; политик, или царедворец по служению моему при дворе, я принужден был закрывать истину иносказанием и намеками, из чего само по себе вышло, что в некоторых моих произведениях и поныне многие, что читают, того не понимают совершенно». «Примечания», однако, автор до конца не довел. В 1809–1810 Державин продиктовал «Объяснения на сочинения Державина», которые по существу представляют собой автобиографию поэта. В 1812–1813 он написал «Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина», где речь идет о его службе и государственной деятельности.

Примерно с 1804 вокруг Державина складывается новый литературный кружок, в который первоначально входили Муравьев, С. Хвостов, А. Шишков и др. В 1807 по субботам начались регулярные литературные вечера. Затем участники этих вечеров и другие лица образовали литературное общество «Беседа любителей русского слова». для заседаний «Беседы» Державин предоставил свой дом, взяв на себя все расходы по обществу, но занимал в нем особую позицию. Произведения членов общества публиковались в «Чтениях в “Беседе любителей русского слова”».

С кружком, а затем с Беседой связан первоначальный замысел итогового литературно-теоретического труда Державина «Рассуждение о лирической поэзии», который в завершённом виде представлял собой и пособие для «молодых наших сочинителей», и обобщение собственного творческого опыта поэта. Сначала Державин собирался изложить свой взгляд на поэзию в стихотворном «Послании к великой княгине Екатерине Павловне о покровительстве отечественного слова», но затем его замысел разросся: Державин собирал материалы для обобщающего труда по русской и мировой поэзии.

8 января 1815 Державин присутствовал на переводных экзаменах в Лицее, где пришел в восторг, когда А. Пушкин прочел «Воспоминания в Царском Селе».

Летом 1816 на Званке Державин взялся за окончательную доработку своего «Рассуждения», но смерть помешала поэту завершить подготовку к изданию его отдельной книгой.